

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО Г. ТОМСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14.В25.31.0009) и в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

На основе архивных и опубликованных документов, периодической печати рассматриваются особенности функционирования научного сообщества г. Томска в годы Великой Отечественной войны. Исследуются условия и предпосылки создания единого, скоординированного научного сообщества г. Томска в годы войны. На примере Томского комитета ученых анализируется организационный аспект деятельности томских вузов и НИИ, направленной на помощь фронту, промышленным предприятиям, Кузбассу, транспорту и сельскому хозяйству города и страны.

Ключевые слова: Томск; Великая Отечественная война; научное сообщество; Томский комитет ученых; наука.

Динамичный рост научного знания, а также возросший интерес к познающему субъекту в XX в. обусловили потребность в теоретической формализации и обосновании категории научного сообщества как особой специфической системы, обеспечивающей сохранение научных традиций, связей между поколениями ученых, устойчивость исследовательских, методологических и морально-этических установок.

Считается, что термин «научное сообщество» ввел в научный оборот известный английский ученый, философ, представитель постпозитивизма в философии науки Майкл Полани. В классической и наиболее компромиссной трактовке под научным сообществом понимается совокупность ученых, придерживающихся общих взглядов на сущность и цели науки. Начало же активного употребления данного термина связывают с именем американского историка Томаса Куна и с его знаменитой монографией «Структура научных революций». Под научным сообществом он понимал совокупность ученых, придерживающихся общих правил и общей научной парадигмы. Т. Кун классифицировал научные сообщества по дисциплинарному критерию и в соответствии с этим выделял уровни научного сообщества (например, естественных наук: физиков, химиков, астрономов и т.д.) [1. С. 231].

Вместе с тем данную теоретическую модель сегодня соизмеряют и с различными историческими эпохами, формулируя при этом исторические типы научных сообществ: от античного («сады» Эпикура, «ликеей» Аристотеля, «академия» Платона) и средневекового (богословские схоластические школы) до современных научных школ и направлений (коллективы сотрудников института, ученые корпораций и др.) [2. С. 31].

Целостность и эффективность научного сообщества достигается за счет центристского компонента: успех отдельного человека равен успеху всех, т.е. системы. Деятельность ученых в границах научного сообщества регламентирована нормами и правилами. Правила игры задают не только условия для спонтанной научной конкуренции, но и определяют систему вознаграждений (поощрительный механизм). При условии, что целью научного сообщества является приращение рационального, верифицируемого и эмпирически обоснованного знания, главным

критерием поощрения и продвижения по лестнице внутринаучной стратификации является создание нового научного продукта, или кванта знания.

Общеизвестны и установки научного этоса, сформулированные Р.К. Мертоном и играющие роль цементирующего материала для сообщества ученых.

Палитру характеристик научного сообщества можно дополнить элементами, сформулированными российским философом Э.М. Мирским. Это обладание научным сообществом всей совокупностью знаний, относительная автономность в привлечении новых членов (кадровый элемент), полезность или заинтересованность окружения профессии в продукте деятельности его членов, наличие инфраструктуры [3].

Внутригрупповая идентичность научного сообщества часто включает в себя особый язык (слэнг, профессиональная терминология), обычаи, общий досуг, единые культурные ценности, профессиональный юмор и т.д.

Таким образом, мы видим, что понятие научного сообщества имеет множество трактовок и смыслов. Но каждый ученый, привнося в него что-то новое, тем самым обогащает саму теорию научного сообщества, делая ее более объемной и разнообразной. Именно поэтому, на наш взгляд, следует говорить не столько о множестве смыслов, сколько о смысловых гранях одного большого явления. Вместе с тем нельзя не констатировать субъективность данного понятия в приложении к историческим или современным объектам.

Обыкновенно выделяют несколько уровней научного сообщества. В современном глобализованном мире выглядит вполне правомерным утверждение, что наука всей планеты Земля представляет собой некий единый организм, т.е. по сути является научным сообществом. Мы можем говорить о национальном уровне научного сообщества, академическом, корпоративном, в конце концов, о коллективе сотрудников какой-либо кафедры университета.

Применительно к некоторым историческим событиям и эпохам правомерно говорить о целостной совокупности ученых разных специальностей, т.е. о полидисциплинарном научном сообществе.

Именно таким сообществом ученых, объединенных большой национальной трагедией – Великой

Отечественной войной, стал Томский комитет ученых, действовавший на протяжении всех военных лет.

Томск накануне войны – это тихий провинциальный город с населением около 130 тыс. жителей. Старые, уходящие в историю культурно-просветительские традиции сделали Томск своего рода оплотом науки для всей Сибири, названным еще в конце XIX в. Сибирскими Афинами. Здесь функционировало несколько вузов: Томский государственный университет (ТГУ), Томский индустриальный институт (ТИИ), Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта (ТЭМИИТ), Томский медицинский институт (ТМИ), Томский государственный педагогический институт (ТГПИ), Томский стоматологический институт, а также НИИ эпидемиологии др.

Накануне войны в вузах и НИИ Томска работало около 600 научных работников, в том числе 67 профессоров, докторов наук и свыше 100 кандидатов наук [4. Л. 17].

Мощный научный потенциал Томска в годы индустриализации Сибири неоднократно привлекался для решения целого ряда важнейших проблем, связанных в первую очередь с решением проблем Урал–Кузбасса. Так, благодаря геологам ТИИ и ТГУ был открыт ряд месторождений полезных ископаемых (уголь, золото, вольфрам, нефелиновые породы и др.). Ученые Сибирского физико-технического института (СФТИ) активно сотрудничали с предприятиями черной и цветной металлургии. Важную роль играли их разработки в области металлографии, спектроскопии, дефектоскопии и др. Ботаники, почвоведы и зоологи ТГУ изучали растительность, почвы и животный мир Сибири.

В то же время предпринимались усилия и для координации научных сил Томска. В начале 1930-х гг. в Томске были сделаны попытки создания Ассоциации научно-исследовательских институтов города [5]. Важную роль сыграл ряд научных конференций и совещаний, организованных по инициативе томских ученых (например, 1-я Краевая конференция физиков, состоявшаяся в 1934 г.). В марте 1940 г. было учреждено консультационное бюро при Доме ученых, созданное для консультирования промышленных предприятий и колхозов Новосибирской области и Алтайского края по разным отраслям народного хозяйства и теоретическим вопросам [6. С. 11].

Наряду с томскими вузами и НИИ важный кластер научного сообщества в годы Великой Отечественной войны составили эвакуированные в Томск вузы и НИИ из европейской части СССР.

Так, осенью 1941 г. в Томск прибыла часть преподавателей и студентов Московского станко-инструментального института им. И.В. Сталина (Станкин). Для рассмотрения вопросов учебной, методической, научно-исследовательской, организационной работы Станкина был организован Совет филиала, куда вошли весь профессорско-преподавательский состав вуза, а также представители общественности [7. Л. 1]. В институте работали профессора Н.С. Ачеркан (зав. кафедрой металлообрабатывающих станков), И.Е. Городецкий (зав. кафедрой метрологии и взаимозаменяемости), Б.Л. Богуславский и др.

Общее количество преподавателей вуза составило 12 человек (на момент прибытия в Томск). Среди них было 3 профессора и 4 доцента. В начале 1942 г. контингент профессорско-преподавательского состава вуза пополнился за счет прибывших из г. Чкалова 3 профессоров и 2 доцентов [7. Л. 2 об., 3 об.].

К зиме 1941 г. в Томск были также эвакуированы Московский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта им. Ф.Э. Дзержинского (МЭМИИТ), Новочеркасский индустриальный институт им. С. Орджоникидзе (НИИ), Московский институт стали им. И.В. Сталина (МИС) [8. С. 191], Ленинградский театральный институт, а также отделы Всесоюзного института экспериментальной медицины. Кроме того, до 1942 г. в Томске размещался ВКВШ при СНК СССР [6. С. 10].

В период осень – зима 1941–1942 г. в Томске насчитывалось около 900 профессоров, доцентов и научных работников [9. Л. 135 об.] (по другим данным – более чем 1 000 [10. 29 об.]). Это была наивысшая концентрация ученых в городе за годы войны.

Безусловно, основу томского научного сообщества составили местные ученые. При его характеристике в глаза бросается и то, что в нем были представители не просто разных поколений, но и учёные, сформировавшиеся в разные исторические эпохи.

Среди тех, кто родился во второй половине XIX в. и составил имя в науке еще до революции, были бывший директор ТИИ (1911–1916 гг.), руководитель кафедры «Паровозы» ТЭМИИТ, крупнейший отечественный специалист в области паровозостроения, заслуженный деятель науки и техники РСФСР Н.И. Карташов (1867–1943), выпускник Императорского Томского университета, зав. кафедрой фармакологии ТМИ, фармаколог Н.В. Вершинин (1867–1951), зав. кафедрой зоологии ТГУ, профессор М.Д. Рузский (1864–1948), профессор ТГУ, первый математик в Сибири Ф.Э. Молин (1861–1941) и др.

Ученые степени и звания они получили еще в дореволюционное время, стажировались в ведущих научных центрах Европейской России и за рубежом. Будучи воспитанными в другой исторической эпохе, они являли собой формацию ученых, сохранивших традиции дореволюционной профессуры в уже новом мире.

Значительную долю научного сообщества составляли те, кто порой называл себя «рожденными революцией» [11]. Это профессора Б.Я. Баяндуров, Б.П. Токин, Ю.А. Кузнецов, М.А. Большанина, В.М. Кудрявцева и др. Родившись на рубеже веков, они получили высшее образование и сформировались как ученые уже в советский период.

Таким образом, уникально разнообразное, контрастное сочетание ученых разных эпох; участие их в одном научно-образовательном процессе составили специфику научного сообщества г. Томска в годы Великой Отечественной войны.

Важную роль в деле объединения усилий ученых сыграл и морально-психологический аспект. Деятельность ученых протекала в период беспрецедентной общенациональной трагедии. В каком-то смысле можно говорить о том, что сама Великая Отечествен-

ная война способствовала созданию сплоченного научного сообщества.

В полдень первого дня войны, 22 июня 1941 г., жители Томска собрались на городском митинге, состоявшемся на площади Революции (ныне Новосибирная).

Коллективы всех факультетов и подразделений ТГУ в первые дни войны провели собрания [12. С. 8]. Везде звучали решительные патриотические речи, обещания служить Родине в тылу и на фронте.

В индустриальном институте 23 июня состоялся митинг студентов, научных работников, рабочих и служащих. Студенты и преподаватели вуза шли в военкомат, партийное и комсомольское бюро и отдавали заявления, написанные на черновиках с математическими формулами и чертежами, с просьбой отправить их на фронт. 4 августа на митинге коллектива института было принято решение создать оборонный фонд, куда каждый преподаватель и научный работник обязывался вносить однодневный заработок, а каждый студент-стипендиат – однодневную стипендию [8. С. 188–189]. Аналогичные фонды создавались и в других вузах.

В медицинском институте 25 июня состоялось партийное собрание, в ходе которого участники не только выразили свою волю приложить все силы для приближения Победы, но и наметили конкретные планы по коренной перестройке всей работы института, переходу в исследованиях на оборонную тематику, форсированной подготовке студентов, медицинских сестер и т.д. [13. С. 68].

В сквере рядом со зданием Томского педагогического института 23 июня состоялся митинг студентов, преподавателей, рабочих и служащих. Прямо оттуда колонна студентов во главе с начальником военной кафедры двинулась к военкомату [14. С. 54]. Сотни преподавателей и студентов томских вузов в первые же дни войны отправились на фронт. На тех, кто оставался в тылу, ложилась особая ответственность – приносить пользу Родине своим трудом.

Реализация высокого потенциала научного сообщества Томска в начале войны осложнялась трудными условиями, в которых оказались вузы и ученые. С началом Великой Отечественной войны почти у всех вузов Новосибирской области (куда до 1944 г. входил и Томск) были изъяты учебные помещения и общежития [15. Л. 6].

В ТГУ был закрыт Биологический институт, а НИИММ был преобразован в спецотдел СФТИ. Здание бывшего Биологического института было отдано под госпиталь, а главный корпус университета был занят оптико-механическим заводом (№ 355), эвакуированным из г. Загорска. Все оборудование Гербария ТГУ и других музеев было перенесено в здание библиотеки (единственное, не считая СФТИ, помещение, оставшееся в распоряжении ТГУ) и законсервировано. Ректорат и партбюро переехали на ул. Татарскую, 35–37. В разных частях города расположились биологический и геолого-почвенный факультеты. Химический факультет занимал несколько кабинетов в ТИИ и фармшколе, историко-филологический – Дом политпросвета по пер. Кооперативному [12. С. 9]. Основ-

ные лаборатории, где работали ученые ТГУ, были сосредоточены в здании СФТИ.

Аналогичным образом ситуация обстояла и с индустриальным институтом, который до войны имел восемь учебных корпусов, расположенных в шаговой доступности. Летом 1941 г. два корпуса (№ 8 и 9) были отданы под военные госпитали. В главном корпусе на базе лаборатории резания металлов было создано спецпроизводство. В 1942 г. в распоряжение эвакуированных учреждений было отдано еще четыре корпуса (в том числе главный). Их заняли Ленинградское артиллерийско-техническое и Белоцерковское пехотное училища, Новочеркасский индустриальный институт и Московский институт стали. В пользовании ТИИ остались только часть химического, физического и инженерного корпусов (около 15% довоенных площадей) [8. С. 190–191].

ТМИ разместил в своих зданиях ряд эвакуированных учебных заведений и клинический эвакуогоспиталь. Институт передал различным учреждениям и предприятиям недостроенные биологический корпус, гигиенический и старо-анатомический корпуса, здание кафедры санитарной обороны, часть факультетских клиник и др. Почти все кафедры вынуждены были перейти в единственное оставшееся здание – новый анатомический корпус. Нехватка помещений усугублялась еще и тем, что в том же здании были размещены отделы эвакуированного ВИЭМа [9. С. 69].

Лишился своего здания (площадью около 4 тыс. м²) и педагогический институт: в июле 1941 г. по решению Томского горисполкома оно со всеми ближайшими постройками было передано военному ведомству для использования в качестве госпиталя. Занятия проходили в общежитиях по адресам Фрунзе, 79 и Герцена, 49. Последнее, однако, вскоре было передано рабочим эвакуированного завода. Физико-математический факультет занял две аудитории и один кабинет под лабораторию и деканат в здании СФТИ, естественный факультет переместился в четыре комнаты в здании ТМИ по адресу Обруб, 10, факультет иностранных языков – в здание фармацевтической школы. В полном распоряжении института в то время была единственная усадьба с небольшим флигельком по адресу ул. Фрунзе, 79 (общая площадь – около 210 м²). В ней располагались кабинеты и аудитории двух факультетов – исторического и литературного [14. С. 58].

Преподаватели и, в основном, студенты в военные годы регулярно принимали участие в различных хозяйственных мероприятиях, всевозможных воскресниках и субботниках. Студенты и научные работники разделяли часы своей работы и досуга со строительством железных дорог, переносом оборудования эвакуированных предприятий, помощью в сборе урожая и заготовке кормов для колхозов. Аудитории, кабинеты и лаборатории вузов Томска в зимнее время то и дело оставались без отопления. Связано это было с острой нехваткой топлива. В какой-то момент под угрозой оказались Научная библиотека и оранжереи ботанического сада со своими бесценными фондами. Благодаря своевременному вмешательству этого удалось избежать. Институты и университет также испытывали затруднения со снабжением водой и электричеством.

Значительно ухудшились и жилищные условия профессоров и преподавателей, разделивших свои квартиры и дома с семьями эвакуированных ученых. При этом, например, зимой 1942–1943 г. многие научные работники не имели возможности пользоваться электричеством. В следующем году был даже создан особый список профессоров и доцентов, которым необходимо было в особом порядке поставлять электроэнергию [12. С. 9].

Карточная система и снижение норм потребления также рождали свои трудности. Зимой 1942 г. в ТИИ было организовано подсобное хозяйство, расположенное в 15 км от города. Для профессоров и доцентов суточные нормы определялись особо [16. Л. 17 об., 18].

Ученые, оставившие привычные места, вынуждены были в новых условиях налаживать учебный процесс. В ТИИ, например, имеющиеся учебные площади не отапливались, студенты и преподаватели в аудиториях и кабинетах занимались в верхней одежде [8. С. 191].

Некоторые преподаватели вузов вели занятия на своих квартирах. Так, директор педагогического института профессор Г.Т. Чуич для проведения занятий освободил часть своей квартиры [14. С. 58]. Профессор ТИИ Р.А. Воронов также предоставил комнату в своем доме для этих целей [8. С. 191]. Студентка энергетического факультета ТИИ Т.Ю. Могилевская позднее вспоминала: «Когда физкорпус оказался замороженным, Ростислав Александрович [Воронов] освободил от мебели большую комнату своей квартиры, туда переехали лабораторные столы и приборы. Лаборант Елена Григорьевна Амелянчик приходила за час до начала занятий и растапливала печь. Так что лаборатории по ТОЭ (т.е. по теоретическим основам электротехники) мы делали в тепле и уюте» [17. С. 76].

Тяжелые условия усугубляли и без того имевшиеся трудности в коммуникации ученых, необходимой для нормального и полноценного функционирования научно-исследовательских и образовательных структур, плодотворной и эффективной работы ученых.

До войны, во второй половине 1920–1930-х гг., для томских ученых крупным центром культурного притяжения и коммуникации являлся единственный в Сибири Дом ученых. Группой ученых, в числе которых был профессор В.Д. Кузнецов, при нём был организован клуб, получивший шуточное название «Кенгуру». Они занимались устройством в Доме ученых развлекательных мероприятий: семейных вечеров с кабаре, шуточных балетов, выступлений хора под руководством профессора Л.И. Оморокова. В качестве конференсье в представлениях порой принимал участие и сам В.Д. Кузнецов [18. С. 71–74]. Культурно-массовая работа проводилась правлением Дома ученых в составе шести секторов (полит-массовый, военно-оборонный, физкультурный, лекционный, художественной самодеятельности и детский) [19. Л. 1 об.].

Перед Великой Отечественной войной, кроме развлекательных мероприятий, при участии членов Дома ученых было проведено несколько конференций, в том числе посвященных Ч. Дарвину, М.В. Ломоносову и др. При Доме ученых выпускалась газета, которая на конкурсе в «Красном знамени» была признана

лучшей. Всего в предвоенные годы в составе Дома ученых было 432 члена из числа научных работников всех вузов города [19. Л. 1, 6].

Мероприятия, организованные клубом, отношение к ним властей, содержание развлекательных программ представляют большой интерес с точки зрения формирования единого научного сообщества г. Томска с собственными обычаями, ритуалами, образующими особую форму идентичности. Однако для военных лет эта форма коммуникации была не характерна.

Сказывалось и отсутствие городского транспорта, затруднявшее мобильный созыв собраний партийных и общественных организаций, элементарное общение ученых в свободное время. В большом дефиците была и телефонная связь. Поэтому нередко прибегали к так называемой системе цепочек – способу передачи информации от дома к дому.

Основную роль в формировании единого и сплоченного научного сообщества сыграл Томский комитет ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время (ТКУ), образованный уже 27 июня 1941 г. Инициатива по его организации принадлежала крупным ученым г. Томска – В.Д. Кузнецову, Б.П. Токину, Н.И. Карташову, А.Г. Савиных и др.

ТКУ, штабом которого стало здание СФТИ, представлял собой эффективный координационный орган, благодаря которому мы сегодня можем говорить о целом научном сообществе Томска в годы войны.

«Комитет ученых как научно-общественная организация не имеет абсолютно никакого аппарата, – отмечал председатель ТКУ, профессор Б.П. Токин, – у нас есть лишь ответственный секретарь – член президиума комитета и один молодой научный работник, помогающий технически. Комитет – это 15–17 наиболее квалифицированных профессоров города Томска, включая и двух военных специалистов, с самого начала решил помогать местным вузам и институтам в незамедлительной перестройке всей научно-исследовательской работы на военный лад и попытаться вообще координировать работу ученых для быстрого разрешения отдельных задач, которые встают перед заводами, перед хозяйственными организациями» [20. Л. 30 об.].

В докладе «Отечественная война и задачи ученых», сделанном еще 2 июля 1941 г., Б.П. Токин особое место отводил инициативам ученых. Он говорил: «Каждый ученый обязан позабыть тематику, которая построена “на авось” – авось что-либо получится – и переключиться на тематику, имеющую непосредственное значение для обороны, для обслуживания заводов и транспорта, стахановского труда колхозников, коммунального хозяйства... Задача руководителей научно-исследовательской работы в вузах, задача руководителей исследовательских институтов, кафедр заключается сейчас в том, чтобы быстро, без суетни, особенно заседательской, без приказов, вовремя подхватить инициативу ученого в актуальной тематике» [21. 1941. 2 июля].

Эти положения выглядят особенно важными, потому что уточняют специфику томского научного

сообщества в годы войны. Несмотря на централизованный тип управления научной интеллигенцией, ключевым оставался вопрос личного творческого участия в решении актуальных научно-исследовательских и производственных вопросов.

Структура Томского комитета ученых, по образцу которого позднее были созданы аналогичные органы в Новосибирске, Кемерово, Новокузнецке, включала в себя президиум и бюро. На протяжении всей войны было проведено 7 общих заседаний комитета, 2 заседания бюро Комитета, 56 заседаний президиума (с 1941 по 1944 г.). С сентября 1941 г. по ноябрь 1942 г. почти ежемесячно собирались пленумы ТКУ [6. С. 13]. Важно отметить, что на заседаниях ТКУ кроме ученых и научных работников присутствовали представители городской и областной партийной власти, инженеры и директора заводов и фабрик.

Важным также представляется и вывод о его значительной независимости и автономности, в первую очередь от партийных и государственных органов. 6 марта 1942 г. на заседании президиума Центрального комитета союза высшей школы и научных учреждений, проходившего в Новосибирске, профессор Б.П. Токин подчеркнул: «Мы имеем положение, когда ученый в Томске является постоянным хорошим деловым гостем в партийных и советских организациях» [20. Л. 30 об.].

Вопрос о сфере полномочий был однозначно решен уже в момент создания комитета, когда при содействии представителей горкома ВКП(б) в Положение о Томском комитете ученых был внесен ключевой пункт для понимания специфики функционирования томского научного сообщества в военные годы: «Томский комитет ученых имеет право давать научно-технические и организационные поручения ученым и инженерам» [22. Л. 26].

Что касается рекрутирования новых членов комитета, выбора научно-исследовательской тематики, определения организационных задач, ТКУ был относительно независим. Так, инициатива ввода новых членов была прерогативой президиума ТКУ, хотя утверждались они партийными органами. Например, на заседании президиума ТКУ от 3 мая 1943 г. было предложено ввести в состав комитета профессоров И.Н. Буланкина (ТГУ), Д.Д. Яблокова (ТМИ), Н.О. Рогинского (ТЭМИИТ) и В.Ф. Фёдорова (заведующего отделом пропаганды и агитации Томского горкома ВКП(б)) [6. С. 202], а уже 2–3 июня их кандидатуры были утверждены на заседании бюро Томского горкома ВКП(б) [23. Л. 97].

При этом стоит отметить, что в решении некоторых научно-исследовательских и особенно производственных задач роль партийных организаций вузов и города оставалась значительной.

Наряду с Томским комитетом ученых и партийными организациями вузов регулирующую функцию научного сообщества разделял эвакуированный в Томск Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ) при СНК СССР. Председатель ВКВШ С.Ф. Кафтанов и его заместитель И.И. Агроскин в период своего пребывания в Томске и даже после ре-

эвакуации активно сотрудничали с комитетом ученых, решая важные для науки города вопросы. Аппарат ВКВШ заботился об увеличении количества ученых, привлекаемых к выполнению того или иного задания, брал на себя ответственность за реализацию предложений томских ученых, выходивших за пределы города и др. [24. Л. 42, 61 об., 64].

Томские и эвакуированные в этот город промышленные предприятия были напрямую заинтересованы в успешной и плодотворной деятельности научного сообщества. Помощь предприятиям для руководства ТКУ была одной из приоритетных задач. В записных книжках заместителя председателя ТКУ В.Д. Кузнецова перечислен ряд фактов, свидетельствующих о широких связях между учеными и представителями производства [25. Л. 7–16].

Летом 1941 г. на заседаниях комитета активно рассматривался вопрос о тяжелом положении Томского фармацевтического завода, обусловленного острой нехваткой лекарственного сырья. Для решения этой проблемы 4 июля 1941 г. на заседании комитета постановили мобилизовать сотрудников ботанических кафедр вузов, Сибирского ботанического сада и Гербария университета, кафедры фармакологии и родственных ей кафедр ТМИ, а также непосредственно инженеров фармзавода, объединить их деятельность и скоординировать усилия путем создания ботанико-фармакологического бюро при ТКУ. В него входили профессор В.В. Ревердатто, Н.В. Вершинин, директор Ботанического сада А.Д. Бейкина и др. [24. Л. 3].

ТКУ в разное время привлекал ученых города для помощи и консультирования Томского протезного завода (К.Н. Черепнин и С.П. Ходкевич) [Там же. Л. 8], Оптико-механического завода из г. Загорска (профессора В.М. Кудрявцева, Б.В. Тронов и др., коллективы кафедр резания металлов, аналитической химии ТИИ, металлофизики СФТИ), Государственного подшипникового завода (профессора А.М. Розенберг, А.Н. Добровидов, М.А. Большанина и др., коллективы кафедр термической обработки, электромашин ТИИ и литейного дела МЭМИИТа), Томского электромеханического завода (профессора А.Н. Добровидов, доцент В.Ф. Лоренц), завода резиновых изделий (профессора И.В. Геблер, М.И. Кучин, коллективы кафедр теплотехники и металловедения ТИИ) [Там же. Л. 99–100] и т.д.

Помощь со стороны томского научного сообщества выходила и за пределы Томска. Так, профессора Д.А. Стрельников и А.С. Бетехтин с группой студентов-дипломников долгое время оказывали содействие на шахтах Кузбасса. Особое значение для угледобывающей промышленности Кузбасса имели изыскания члена ТКУ, профессора-геолога Н.А. Чинакала, который в годы войны изобрел специальную щитовую конструкцию (Щит Чинакала), обеспечивавшую быстрое изготовление щитов и повышение производительности труда [6. С. 262].

К выполнению заданий по линии ТГУ привлекались многие кафедры и лаборатории, сотни ученых и инженеров, деятельность которых была направлена на получение высоких научных результатов и их внедрение в практику.

Нередко для выполнения тех или иных задач приходилось добиваться уменьшения количества учебных поручений тем или иным ученым. Так, в сентябре 1941 г. В.Д. Кузнецов обратился к руководству ТГУ с просьбой освободить профессора А.П. Бунтина от педагогической нагрузки в связи с перегруженностью последнего специальными оборонными заданиями [24. Л. 61]. В 1943 г. ТКУ просил уже об освобождении от преподавания 19 ученых, среди которых были профессора И.К. Баженов, В.Д. Кузнецов, К.Н. Шмаргунов, М.К. Коровин, И.Н. Бутаков и т.д. Связано это было с «большим объемом работ по улучшению теплосилового хозяйства г. Томска и динамичным освоением местного топлива» [26. Л. 39].

Одной из важных черт научного сообщества как автономного института является поддержание материально-технической базы институтов, кафедр, лабораторий, создание условий для научного развития. Отметим, что во время войны реализовать эту функцию было чрезвычайно трудно. Тем не менее ТГУ прилагал в этом направлении определенные усилия.

Так, осенью 1941 г. остро встал вопрос о переносе Западно-Сибирского геологического разведывательного треста Главгеологии Наркомнефти в сельскую местность. Решение было уже принято горисполкомом, когда коллектив Томского комитета ученых обратился к городским органам с просьбой отменить эту инициативу. Дело в том, что выселение грозило тресту сбоем работ из-за отсутствия лабораторий и постоянного доступа к специальной литературе. Просьба комитета была удовлетворена [6. С. 16–17].

Другой пример. В 1942 г. по инициативе одного из городских функционеров было предложено проложить железную дорогу к заводу (оптико-механическому, расположившемуся в главном корпусе ТГУ) через уникальный исторический парк на территории Ботанического сада. Он был создан в английском стиле еще в 1885 г. знаменитым ботаником П.Н. Крыловым. В парке были посажены пригодные для местного климата древесно-кустарниковые породы, произраставшие в Сибири и на Дальнем Востоке, в Европе, Азии, Северной Америке. Растения парка составляли неотъемлемое продолжение уникальной коллекции оранжереи Ботанического сада. Перед лицом нависшей над парком угрозы сотрудники ботсада обращались в городские инстанции [27].

На закрытом партийном собрании университета, состоявшемся 19 мая 1942 г., ректор Я.Д. Горчачёв сказал: «Перестройка ветки от Томска I до 355-го завода – наш проект. Но проект был составлен так, что ветка должна пойти через ботсад. Между тем грузопоток мал и разрушать ботсад нет надобности». Взамен старому было предложено два новых проекта: по северной части кладбища через электромеханический завод и по южной части кладбища через госпитальные клиники [28. Л. 40 об., 41].

Однако особенно ярким проявлением инициативы научного сообщества по отстаиванию собственных интересов можно считать историю с главным корпусом ТГУ. Дело в том, что оптико-механический завод активно обустроивал собственную инфраструктуру на

новом месте, о чем ярко свидетельствует вышеописанный эпизод с железной дорогой. Кроме того, угрозе разрушения подвергалась уникальная университетская роща. Назревала ситуация, что главный корпус уже не вернется к университету. В 1942 г. группа ученых ТГУ, среди которых были В.Д. Кузнецов, В.Д. Рузский, Б.П. Токин, В.В. Ревердатто В.М. Кудрявцева, В.А. Халлов и др., обратились с письмом лично к И.В. Сталину. В нем была кратко обрисована сложившаяся ситуация. Ввиду большой культурной ценности, исторического наследия центрального здания ТГУ и просто элементарной его непригодности для заводских помещений ученые просили председателя Государственного комитета обороны «дать указание строить заводу корпуса в новом месте, постепенно перевести завод в эти корпуса и вернуть в будущем здание университету» [29. Л. 63–64]. В связи с изменившейся ситуацией на фронте оптико-механический завод был эвакуирован в Московскую область. А уже к осени 1943 г. завод освободил главный корпус ТГУ. Освободившемуся зданию потребовался капитальный ремонт, на который государством были выделены необходимые материалы и средства [12. С. 104].

В условиях войны многие ученые, руководствуясь патриотическим чувством и без стороннего контроля, осознавали весь груз своей ответственности. Тем не менее руководству ТКУ иногда приходилось об этом напоминать. Так, 7 января 1943 г. на заседании ученых г. Томска, делая доклад «О деятельности ученых города Томска за период Отечественной войны», Б.П. Токин констатировал, что не все научные учреждения и ученые перестроились на военный лад, и даже упомянул конкретных лиц: «Мы очень многого ждем от профессора ТГУ Н.Н. Лаврова. Но что дал он за время войны? Ведь он единственный в своем роде специалист... Человек этот имеет большие знания в своей области, и мог бы дать очень много. Посмотрим на нашу среду, нет ли у нас еще таких Лавровых среди наших специалистов? Мы хорошо знаем каждого и знаем, что мы можем ждать от каждого. От одного можно ждать очень многого, другому надо помочь – все это мы учитываем. И тут я должен упрекнуть профессора Н.Н. Лаврова. Как можно бездействовать, в то время как другие ученые проявляют подлинный героизм. Профессор Д.Д. Яблоков, профессор Н.В. Вершинин – эти люди работают, не жалея себя» [30. Л. 138 об.]. Подобной же критике председатель ТКУ подверг географов и математиков университета.

В годы Великой Отечественной войны в Томске продолжал функционировать ряд научных школ, сложившихся ещё в 1920–1930-х гг. Так, научная школа физики твердого тела, основателем которой был В.Д. Кузнецов, занималась вопросами поверхностной энергии и твердости, кристаллизации и рекристаллизации, резания металлов, трения и износа металлов жаропрочности и термической усталости металлов [31. С. 219]. Ученица В.Д. Кузнецова М.А. Большанина, автор оригинальной научной теории пластической деформации, долгое время разрабатывала теоретические и практические вопросы, связанные с физикой пластичности и прочности металлов [Там же. С. 59].

Эта научная школа достигла не только значительных теоретических результатов (совместная работа М.А. Большаниной и В.Д. Кузнецова, 2-й том монографии «Физика твердого тела», была удостоена Сталинской премии), но и получила возможность широкого применять на практике свои теоретические разработки.

Представители сибирской горно-геологической школы, основанной еще до революции будущим академиком В.А. Обручевым, который был тогда профессором ТТИ (декан горного факультета) [32. С. 18], также активно вели исследования в годы войны. Среди них член ТКУ М.К. Коровин, ученик М.А. Усова И.К. Баженов, В.А. Хахлов, К.В. Радугин, Ю.А. Кузнецов, Д.А. Стрельников и др.

Представители сибирской ботанической школы, ученики и хранители традиции основателя школы выдающегося русского ботаника, профессора П.Н. Крылова, В.В. Ревердатто и Л.П. Сергиевская в годы войны внесли большой вклад своими работами и изысканиями в области лекарственных растений.

Научные школы, их видные представители, крупные ученые г. Томска образовывали микрокластеры, своего рода подсистемы томского научного сообщества военных лет.

Стоит также отметить, что в годы войны, особенно в период пребывания здесь ВКВШ, Томск стал крупней-

шим центром подготовки докторов и кандидатов наук в Сибири. Так, только в 1942/1943 уч. г. научными работниками г. Томска было выполнено 153 научно-исследовательских работы, защищены 14 докторских и 31 кандидатская диссертаций. Для примера, за этот же период в Новосибирске были защищены 3 докторских и 8 кандидатских диссертаций [33. Л. 13].

Характеристикой научного сообщества является также и система поощрений со стороны, прежде всего, государства. Период Великой Отечественной войны стал беспрецедентным для ученых Томска по количеству полученных наград. Так, лауреатами Сталинской премии за научные достижения военных лет стали профессор В.Д. Кузнецов, М.А. Большанина, А.А. Заварзин, Н.В. Вершинин, Д.Д. Яблоков, А.Г. Савиных, В.В. Ревердатто, Л.П. Кулев, К.В. Радугин, Н.А. Чинакал, С.П. Сыромятников, Б.И. Баяндуров [6. С. 36].

Таким образом, научное сообщество г. Томска в годы Великой Отечественной войны представляло собой особую автономную структуру централизованного типа, деятельность которой была направлена на достижение общей для всей страны цели скорейшего приближения Победы. Несмотря на трудности военного времени, удалось сохранить и упрочить традиции сформировавшихся ранее научных школ и направлений. Томск подтвердил свою репутацию крупного научно-образовательного центра страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М. : Прогресс, 1977. 300 с.
2. Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философия науки и техники : тематический словарь-справочник. Орёл : ОГУ, 2010. 289 с.
3. Лебедев С.А. Философия науки: словарь основных терминов. М. : Академический проект, 2004. URL: <http://terme.ru/dictionary/905/world/nauchnoe-sobschestvo> (дата обращения: 28.01.2016).
4. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 1. Д. 965.
5. Литвинов А.В. Источники по истории организации «Ассоциация научно-исследовательских институтов Томской группой» // Документ в системе социальных коммуникаций : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск : Том. гос. ун-т, 2008. С. 351–358.
6. Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. 480 с.
7. ЦДНИ ТО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 201.
8. Томский политехнический университет 1896–1996: исторический очерк / под ред. А.В. Гагарина. Томск : ТПУ, 1996. 448 с.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 10.
10. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАО). Ф. 4. Оп. 6. Д. 22.
11. Из воспоминаний Б.П. Токина о Томске. Мрачная выдумка или действительность? // Музей истории ТГУ.
12. С верой в Победу!: Томский университет в годы Великой Отечественной войны : сб. док. и воспоминаний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 232 с.
13. Томский медицинский институт, 1888–1988: сто лет со дня основания. Исторический очерк / под ред. М.А. Медведева. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 210 с.
14. Войтеховская М.П., Галкина Т.В. Томский педагогический: от института к университету. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2002. 267 с.
15. ГАО. Ф. 268. Оп. 8. Д. 4.
16. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-816. Оп. 1. Д. 552.
17. Могилевская Т.Ю. Мне много лет (записки обычной томички). Томск : Изд-во ТПУ, 2003. 184 с.
18. Марков В.И., Тренин Б.П. Из истории земли Томской: народ и власть. 1925–1929 гг. Томск, 2000. 384 с.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 982.
20. ГАО. Ф. 221. Оп. 6. Д. 4.
21. Красное знамя. Орган Томского горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся. Томск.
22. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 1.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 205.
24. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 2.
25. ГАТО. Ф. 1561. Оп. 1. Д. 189.
26. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 9.
27. Докладная записка секретарю Томского городского комитета ВКП(б) // Архив Сибирского ботанического сада.
28. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 3. Д. 5.
29. ГАТО. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 700.
30. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 10.
31. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.

32. Столетие горно-геологического образования в Сибири. Томск : Водолей, 2001. 704 с.
33. ГАНО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 268.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 марта 2016 г.

THE ACADEMIC COMMUNITY OF TOMSK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 407, 160–168.

DOI: 10.17223/15617793/407/25

Fominykh Sergey F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Stepnov Aleksey O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Keywords: Tomsk; Great Patriotic War; academic community; Tomsk Association of Scholars; science.

The authors of this article tried to make the reconstruction of the history of the academic community of Tomsk during the Great Patriotic War of 1941–1945 on the basis of archival documents of periodicals and memories. As for the definition of the concept “academic community”, it is a coherent set of scholars from different disciplines, that is a multidisciplinary academic community. The Tomsk Association of Scholars to promote industry, transport and agriculture in wartime (TAS), first in the country, became such a community of scholars united by a great national tragedy – the Great Patriotic War. It is noted that the academic potential of Tomsk (about 600 researchers, including 67 doctors, professors and more than 100 candidates of sciences) increased significantly due to the evacuated teachers and researchers from the European part of the country. However, the basis of the community was local scholars. Not only different generations were presented there, but also people formed as scholars in different historical epochs. The combination of scholars from different epochs was the specificity of the academic community of Tomsk in the war years. The moral and psychological aspect played an important role in bringing scholars together. In a sense, the very Great Patriotic War contributed to the creation of a united academic community. The analysis of TAS reports revealed the role of the non-governmental organization in mobilizing and coordinating the efforts of Tomsk scholars aimed to help the front and the rear. Due to this organization, one can speak about a united academic community of Tomsk during the war. It is noted that scholars were forced to create research products for the benefit of the front and the rear in the hard wartime conditions. On the basis of TAS activities one can judge about its relative autonomy, for example, in attracting new staff. Forms of interaction between the academic community and the industry of the city and the region are observed. A review is made of the micro-clusters of the community, i.e. academic schools (solid-state physics, botany, mining and geology, etc.), whose representatives worked actively during the war as part of the solid community of Tomsk scholars. The city became the largest center for the training of doctors and candidates of sciences. An important part of the academic community is the system of incentives, especially by the state. The period of the war was unprecedented for the scholars of Tomsk on the number of awards and titles. The conclusion is that the academic community of the city of Tomsk in the Great Patriotic War was a special autonomous centralized structure, and its activities were aimed at achieving the goal of the fastest victory, common for the entire country. Despite wartime difficulties, they managed to preserve and strengthen the traditions of earlier scientific schools. Tomsk confirmed its reputation as a major scientific and educational center.

REFERENCES

1. Kun, T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: Progress.
2. Nekrasov, S.I. & Nekrasova, N.A. (2010) *Filosofiya nauki i tekhniki: tematischeskiy slovar'-spravochnik* [Philosophy of science and technology: thematic dictionary]. Orel: Orel State University.
3. Lebedev, S.A. (2004) *Filosofiya nauki: slovar' osnovnykh terminov* [Philosophy of Science: glossary of key terms]. Moscow: Akademicheskii proekt. [Online]. Available from: <http://terme.ru/dictionary/905/word/nauchnoe-sobschestvo>. (Accessed: 28 January 2016).
4. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 1. File 965. (In Russian).
5. Litvinov, A.V. (2008) Istochniki po istorii organizatsii “Assotsiatsiya nauchno-issledovatel'skikh institutov Tomskoy gruppy” [Sources on the history of the organization “Association of Research Institutes by the Tomsk group”]. *Dokument v sisteme sotsial'nykh kommunikatsiy* [Document in the Social Communication System]. Proceedings of the 3rd all-Russian conference with international participation. Tomsk: Tomsk State University. pp. 351–358. (In Russian).
6. Fominykh, S.F. (ed.) (2015) *Tomskiy komitet uchenykh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy* [Tomsk Association of Scholars in the Great Patriotic War of 1941–1945: documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 314. List 1. File 201. (In Russian).
8. Gagarin, A.V. (ed.) (1996) *Tomskiy politekhnicheskii universitet 1896–1996: istoricheskiy ocherk* [Tomsk Polytechnic University of 1896–1996: a historical essay]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
9. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 10. (In Russian).
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 4. List 6. File 22. (In Russian).
11. History Museum of Tomsk State University. (n.d.) *Iz vospominaniy B.P. Tokina o Tomске. Mrachnaya vydumka ili deystvitel'nost'?* [From the memoirs of B.P. Tokin of Tomsk. The grim reality or fiction?].
12. Fominykh, S.F. (ed.) (2005) *S veroy v Pobedu!: Tomskiy universitet v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sb. dok. i vospominaniy* [With faith in victory!: Tomsk University in the Great Patriotic War: collection of documents and memories]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Medvedev, M.A. (ed.) (1992) *Tomskiy meditsinskiy institut, 1888–1988: sto let so dnya osnovaniya. Istoricheskiy ocherk* [Tomsk Medical Institute, 1888–1988: one hundred years since its foundation. A historical review]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
14. Voytekhovskaya, M.P. & Galkina, T.V. (2002) *Tomskiy pedagogicheskii: ot instituta k universitetu* [Tomsk Pedagogical: from the Institute to the University]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 268. List 8. File 4. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-816. List 1. File 552. (In Russian).
17. Mogilevskaya, T.Yu. (2003) *Mne mnogo let (zapiski obychnoy tomichki)* [I am old (notes of an ordinary Tomsk dweller)]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
18. Markov, V.I. & Trenin, B.P. (2000) *Iz istorii zemli Tomskoy: narod i vlast'. 1925–1929 gg.* [From the history of the land of Tomsk: the people and the government. 1925–1929]. Tomsk: Vodoley.
19. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 1. File 982. (In Russian).
20. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 221. List 6. File 4. (In Russian).

21. *Krasnoe znamya. Organ Tomskogo gorkoma VKP (b) i gorodskogo Soveta deputatov trudyashchikhsya* [Krasnoe znamya. The body of the Tomsk City Committee of the CPSU (b) and the City Council of People's Deputies].
22. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 2. File 1. (In Russian).
23. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 205. (In Russian).
24. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 2. (In Russian).
25. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 1561. List 1. File 189. (In Russian).
26. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 9. (In Russian).
27. Dokladnaya zapiska sekretaryu Tomskogo gorodskogo komiteta VKP(b) [A report of the Secretary of the Tomsk City Committee of the CPSU (b)]. Archive of the Siberian Botanical Garden.
28. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 115. List 3. File 5. (In Russian).
29. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 1562. List 1. File 700. (In Russian).
30. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 10. (In Russian).
31. Fominykh, S.F. et al. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
32. Krivosheev, V.V. (ed.) (2001) *Stoletie gorno-geologicheskogo obrazovaniya v Sibiri: arkhiv. materialy* [A century of mining and geological education in Siberia: archive materials]. Tomsk: Vodoley.
33. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 4. List 8. File 268. (In Russian).

Received: 11 March 2016